

Олег Табаков – Серебряков
в сцене после бунта дяди Вани

Олег ТАБАКОВ: Я еще расту и учусь

Сегодня, 18 мая, в «Табакерке» премьера – «Дядя Ваня» режиссера Миндаугаса Карбаускиса. Играют на сцене МХАТа. В распределении ролей много сюрпризов: Войницкий – Борис Плотников, Астров – Дмитрий Назаров, Соня – Ирина Пегова. Неожиданен и очень интересен альянс с ленкомовским гением – сценографом Олегом Шейнцисом. Сам Олег Табаков играет Серебрякова. Мы разговаривали с Олегом Павловичем в его кабинете во МХАТе. Олег Табаков только что приехал на съемки лирической комедии. Он бодр, как всегда, энергичен, даже не певает. В приемной успевает ознакомиться с почтой, с прессой, узнать неотложные новости у помощника. Дает некоторые быстрые распоряжения, что-то подписывает, уточняет, отвечает на телефонные звонки. И что поразительно, продолжает говорить ровно с того места, на котором остановился. Не человек, а фейерверк!

– Олег Павлович, премьера «Дяди Вани» – «на носу», а вы текущим администрированием заняты. Как же так?

– Ты знаешь, я уже довольно давно живу в таком ритме и, наверное, до той поры, пока я буду понимать, что соответствую кругу своих служебных обязанностей, все будет нормально. Если пойму, что не соответствую, прекращу выполнять часть из них (смеется), то есть откажусь от чего-то.

– Большинство актеров на репетиции, особенно на выпуске, не в состоянии ни на что отвлекаться. Как вам удается делать все, и при этом качество роли, по-моему, не страдает.

– Я не самый выдающийся в этом смысле человек – Юлий Цезарь мог и умел делать значительно больше. Как говорят, круг его служебных обязанностей (смеется) был гораздо шире.

– В общем, есть куда стремиться. Нет предела совершенству.

– А как же! У меня еще есть возможность расти, учиться. Во всяком случае, я считаю, что надо время от времени думать о собственном несовершенстве.

– Вы успеваете даже интересоваться отчетами по продаже билетов.

– А как же? Это мои служебные обязанности. Если ты перечтешь переписку Немировича со Станиславским, то увидишь, что и он, и Константин Сергеевич не чурались этого. Просто придуриваться не надо, не надо делать вид, что ты не от мира сего. Это безнравственно, поскольку ты живешь благополучно, а многие под твоим началом – не очень. Не надо забывать, что ни хлебом единым, но и ни душой единой.

– Кстати, Олег Павлович, поговаривают, что за последние полгода размеры зарплаты упали у некоторых ваших артистов.

– Они упали у артистов, которые стали меньше играть. И только. Например, один молодой актер играл очень много, у него были месяцы, когда он получал 80 тысяч рублей. Сейчас он очень много снимается в кино. И естественным образом, меньше работая, получает меньшую зарплату. Например, за последний месяц он получил 31 тысячу.

– Вернемся к грядущей премьере «Дяди Вани». Как вы себя ощущаете в этом спектакле?

– Ощущаю себя хорошо, поскольку думал об этом давно, так как хотел делать эту пьесу сам. Но по зрелому размышлению отдал это человеку, в которого я, безусловно, верю и прилагаю усилия, чтобы он, так сказать, состоялся и развивался.

– Как вам удается увидеть и оценить спектакль, когда вы в нем играете?

– Стараюсь после того, как понял, что хочет от меня режиссер и сам я от себя в этом замечательном материале, максимальное количество времени находиться в зрительном зале и смотреть, что делают актеры. Обязательно делаю им замечания. Естественно, в присутствии режиссера. Но у нас пока суждения с Карбаускисом совпадают.

– И в распределении ролей?

– Да. И мне кажется, что это может быть хороший серьезный нежный спектакль, спектакль, смысловый, сжигающий многие наросты и клише с этой поразительной чеховской истории. Я думаю, что сейчас рано говорить о результате, но у меня есть ощущение серьезности данного дела, ак-

терской трепетности. Вот это очень важно. Это дорогого стоит!

– После того как видела генеральную репетицию спектакля, не могу ни сказать, что никогда не видела столь сильного, здорового, мужественного Астрова, да и такую Соню.

– Полноценную. Реальную. А все это называется латинским словом «витальность» – жизненная сила. И она, как ни странно, есть и в индивидуальности Назарова, и в индивидуальности Пеговой, и, как мне кажется, в моей индивидуальности это есть.

– С Серебрякова вы сняли клише не слишком приятной личности. Как вы оправдываете его? Все же некоторые его поступки не так уж красивы или хороши.

– Давай пойдём от другого. Я вообще из врачебной семьи. И это история осознания человеком угасания плоти. Это во многом цитата из жития моего дяди Анатолия Андреевича. А это очень специфическая среда. Когда ты с детских лет знаешь анатомию, слова «этиология», «патогенез»... Когда ты понимаешь, что человек не вечен... И, безусловно, это не лучший период жизни Александра Серебрякова. И не надо один к одному воспринимать все заявления Ивана Петровича Войницкого. Это достаточно субъективный взгляд человека на мужа женщины, в которую Иван Петрович влюблен. Здесь не может быть и не должно быть объективности. И я думаю, что совсем нет однозначного ответа, как сложится судьба Серебрякова с Еленой после отъезда. Нет никакого знака, что за этим будет: они расстанутся или у Елены

Андреевны случится другая любовь (наверное, когда-то что-то настоящее коснется ее). Но думаю, главное в том, что они не могут жить здесь. Он не может смириться с тем, что не востребован. Так что все равно возникает вопрос жизнедеятельности, вопрос потенциальных возможностей человека. В том, как выстраивает это в спектакле режиссер Карбаускис, профессор Серебряков в достаточной степени ироничен, самоироничен. Наконец, и это, безусловно, достижение, которое уже состоялось, никто из исполнителей роли Серебрякова так быстро не бегал (смеется), спасаясь от возможной пули Ивана Петровича Войницкого. Можешь вспомнить, кто бежал быстрее? Видишь, мы с тобой уже и к художественным достижениям подобрались (улыбается). Ну, если не к художественным, то к спортивным.

– Марина Зудина за последнее время выпустила две очень серьезные работы: Юлию Тугину в «Последней жертве» и сейчас Елену Андреевну. И это две абсолютно разные женщины. И если Юлия скорее в психофизике и сути самой Марины, то эта роль – совсем не она, что еще сложнее.

– Да, это так. Хотя мне как-то неловко говорить... Но во всяком случае уже сейчас есть некий перламутр в том, что она делает. А там посмотрим.

– Давая эту роль Марине, вы, наверное, чувствуете еще большую ответственность за нее. Кстати, сама Марина как-то сказала, что вы никогда бы не «подставили» ее, дав роль, которую бы она не потянула.

– Я вообще не назначаю артистов, которые не тянут. Это, если говорить про мое такое свойство (а у меня много недостатков, но есть и некоторые достоинства), я всегда, назначая на роль, так или иначе поворачиваю артиста неизведанной зрителю стороной, неизведанным качеством, даю ему возможность заново открыться.

– Вам нравится, что вы второй спектакль играете вместе с Мариной, причем в прямом партнерстве?

– Мне вообще нравится с ней играть. Она одаренный человек. И потом давай все-таки чуть оглянемся. Судьба Марины как актрисы, если ты помнишь, складывалась весьма непросто. Ей не досталось очень многое. Это было в основном продиктовано молодостью труппы – некому было играть возрастные роли. И, надо признать, что крен или острие удара репертуарного поиска было направлено в основном на мужчин. Они росли быстрее, развивались более динамично. И таким образом большое число ее ролей прошло мимо. А сейчас она вступила в счастливую пору «сбора урожая». И ее форма: и физическая, и, как мне кажется, духовная, душевная, такова, что она готова к решению серьезных задач.

– Еще об одном моменте, об одном предубеждении. Сейчас в общем-то все хвалят «Турбиных», естественно, и Хабенского, и Пореченкова. Но почти каждый не преминет написать, что вот-де сериальные артисты неплохи и что Табаков переманивает звезд.

– Мне кажется, что это мещанство. Это что-то вроде того, что Екатерина Первая была солдатской девкой до того, как стала императрицей. Ну и что из этого? Где вы и где Екатерина? Это очень ущербная позиция. Я приглашал актеров Пореченкова и Хабенского. Я смот-

рел их спектакли, поставленные одним из их педагогов Юрием Бутусовым. И звал артистов, которые, как мне кажется, могут быть интересно представлены на этой сцене. Им есть, что здесь делать. Я вижу для них впереди, во всяком случае несколько лет полезного и плодотворного труда. Я считаю, что они вошли в театральную жизнь Москвы и у них есть в ней свое особое место. Я думаю и о Пер-Гюнте – Хабенском, и о возможном бароне Мюнхгаузене для Пореченкова, о других ролях для них. Я думаю обо всех актерах этого поколения, которое практически отсутствовало в этом театре. От-сут-ство-ва-ло! Ну, кто мог додуматься до назначения Семчева на роль Лариосика?! Полагаю, что я. Но дело не в этом.

– Что будете делать сегодня вечером дома?

– Буду читать публикацию в последнем журнале «Знамя». Там очень интересный роман о людях до 30 лет. Это меня весьма интересует. Хочу знать и понимать их мотивации. Это современная вещь о человеке, попавшем на телевидение, о средствах массовой информации: быте, нравах.

– Это для вас отдых?

– Это скорее, слабость. Читаю – и все (смеется).

– И все же, откуда силы-то берете?

– Из себя. Это Горький сформулировал про Луку: «Старик живет из себя».

Беседовала Марина ЗЕЛЬЦЕР

Репетиционный момент